

ШАРЛЬ ФУРЬЕ

ТЕОРИЯ ЧЕТЫРЕХ ДВИЖЕНИЙ И ВСЕОБЩИХ СУДЕБ

PLANO I

DEL PALANSTERIO Ú PALACIO HABITADO POR UNA FALANGE INDUSTRIAL DE DOS MIL ALMAS Y MIL FORASTEROS

—••••• ESPLICACION: •••••—

A. Grande plaza de parada en el centro del falansterio de 466 $\frac{2}{3}$ varas. B. Páseo de invierno dentro del Palacio de 280 varas. C, D. Patios interiores de servicio, con árboles, surtidores, estanques, jardines. E. Entrada principal, torre de orden 8.º F. Sitio de la Yglesia. G. Sitio del Teatro. El Palacio tiene de frente 840 varas y en cada ala 186 $\frac{2}{3}$ var.^{as}
La Calle-galeria rodea todo el falansterio.

Шарль Фурье

**Теория четырех движений
и всеобщих судеб. Проспект
и анонс открытия**

Книжный магазин "Циолковский"

1808

УДК 141.813
ББК 66.1-191

Фурье Ш.

Теория четырех движений и всеобщих судеб. Проспект и анонс открытия / Ш. Фурье — Книжный магазин "Циолковский", 1808

ISBN 978-5-9908592-4-1

Вышедшая впервые анонимно в 1808 г. работа Шарля Фурье «Теория четырех движений и всеобщих судеб» вначале не принесла своему создателю никакой славы, настолько экстравагантным было это произведение. От наиболее ярких теорий и глав этой книги Фурье впоследствии пытался несколько неуклюже откrestиться, однако именно они произвели глубокое впечатление на мыслителей последующих поколений, вплоть до наших дней. Социально-экономические выкладки и основы теории притяжения страстей изобретателя терминов «феминизм» и «фаланстер» с увлечением изучали как Достоевский, так и современный американский анархист Хаким Бей, о нем писали Ролан Барт, Хабермас, Маркузе, Симона де Бовуар, упоминал в своих лекциях Мераб Мамардашвили. Цитаты из этих и многих других философов, комментирующие наиболее яркие, по их мнению, места из работ Шарля Фурье составляют справочный аппарат данной книги. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 141.813

ББК 66.1-191

ISBN 978-5-9908592-4-1

© Фурье Ш., 1808
© Книжный магазин
"Циолковский", 1808

Содержание

От издательства	6
Алексей Цветков	7
Фаланстеры	7
Цивилизованные	9
Счастливая телеология	10
Сакральная алгебра	11
Бестиарий утопии	12
Фурьеризм	13
Десублимация	14
Предисловие	15
Вступительное слово	16
I	17
II	20
III	24
IV	26
V	30
VI	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Шарль Фурье
Теория четырех движений и всеобщих
судеб. Проспект и анонс открытия

© ООО «Книгократия», 2017

От издательства

Как-то раз в букинистическом отделе книжного магазина «Циолковский» к нам в руки попал первый том из трехтомника Шарля Фурье (Государственное социально-экономическое издательство, 1938 г). Третий том, кстати, так и не вышел, помешала война. Данный перевод был сделан Е.Я. Успенской со второго французского издания 1841 г, этим объясняется появление в тексте позднейших вставок. Прочитав этот потрясающий воображение труд, мы поняли, что издательству книжного магазина «Циолковский» просто необходимо переиздать этот невероятный полет фантазии, с одной стороны немного косноязычный, но с другой, невероятно легкий и меткий «мемуар» (так по Фурье). Поэтому мы очень бережно просмотрели текст, поменяв совсем уж режущие глаз современного читателя архаизмы (напр. «итти», или «эксплоатировать»). Потом, все в том же букинистическом отделе мы обрели довольно редкую сейчас книгу самого глубокого советского фурьеведа И.И. Зильберфарба (книга несколько месяцев ждала своего часа, скромно отлеживаясь на рабочем столе), цитаты из которого помогли понять некоторые важные места текста. Кстати, незаслуженно забытый сейчас Зильберфарб, Сам обладатель точного и корректного стиля, (цитату из которого мы вынесли и на обложку), очень выручил дальнейших фурьеведов – они просто переписывали у него целые абзацы без затей, это бросается в глаза, когда начинаешь исследовать вопрос. Затем мы снабдили комментариями некоторые моменты, которые читатель XIX века прекрасно знал, читатель тридцатых годов XX века мог знать, а вот читатель десятых годов XXI века, весьма вероятно, не знает. Так, например, когда Фурье в 1841 году упоминает дикую кваггу, он еще не знает, что последнюю дикую кваггу застрелят в 1878 г, а последнее животное этого вида умрет в зоопарке несколькими годами позднее. Помимо наших комментариев, текст прокомментировал сам Фурье (его комментарии выделены отдельно), а также редактор издания 1938 г. А. Дворцов и переводчик Е. Успенская, так редакция довольно сильно растянулась во времени. Ну и конечно отобранные нами цитаты из Ролана Барта, Хаким Бея, Герберта Маркузе, Юргена Хабермаса, Дэвида Харви, советских исследователей Фурье очень украсили книгу, хотя и сделали ее несколько толще, чем оригинал.

Что же касается вымерших квагг – Фурье считал, что Творение не закончено, и *«думать, то земля не даст уже новых творений и ограничится существующими, значит думать, что женщина, имеющая одного ребенка, не сможет родить второго, третьего, десятого»*, так что весьма вероятно, что мы еще увидим квагг на свободе.

Но обо всем этом вы узнаете, прочитав книгу.

Алексей Цветков Преобразование Фурье

Фаланстеры

Настало время с пятнадцатилетним опозданием объяснить, на что именно намекала группа энтузиастов, которая назвала свой первый книжный магазин «Фаланстером».

Земледельческо-промышленная фаланга по замыслу Фурье должна производить субъективность, а не стирать её на благо коллектива. Он пытался заранее создать трафарет и карту нового мира с помощью «математики страсти». Звезды, числа, имена стихий, элементов и чувств должны подсказать правильную формулу человеческого счастья, реализованного в отдельных фаланстерах с населением в 1500–2000 человек.

Воображенные им общины существуют прежде всего для удовольствия отдельной личности. Удовольствие в центре всего, оно и есть новое божество утопии. Фаланстер Фурье это правильно собранная из людей машина для максимального наслаждения каждого из этих людей, так же как каждый человек сам является машиной для удовлетворения всех своих чувств. Реализация утопии дает человеку не известные ему ранее виды наслаждения жизнью, собой и окружающими. Участниками фаланстера взяты все октавы страстей.

В этой утопии нет ни капли апокалиптичности или аскетизма жертв «во имя коллектива», «во имя будущего», «во имя высшего исторического принципа», нет ни грана вождизма. Фурье, напротив, разоблачал сторонников Сен-Симона и Оуэна как скрытых претендентов на руководство массами и священников нового социалистического культа. Фаланстер не нуждается в вождях и гарантирует немедленное и непрерывное счастье, только в этом и состоит служение принципу, заложенному в человеческой истории.

Фаланга – реализация предначертанной людям миссии. «Страсти идут от бога, обязанности от людей» – объяснял Фурье общий принцип своей этики. Он выбирал страсти и бога, а не «цивилизацию» с её унылыми и оскорбительными обязанностями.

Каждый в фаланстере получает по полезности и таланту из общего бюджета, но сфера бесплатного, общедоступного, столь широка, что деньги превращаются в чистый фетиш, в самодостаточный знак, а драгоценности – в церемониальные игрушки и диковины. В них можно купаться. Благородные металлы и камни, «презираемые философами», важны сами по себе и не имеют рыночной стоимости. Это ценности, которые счастливо утратили конкретную цену. Торговля во всех видах была отвратительна Фурье и потому его «культ богатств» не имеет никакого отношения к капиталу, это чистое, психологическое наслаждение изящными вещами, а не их обменными возможностями. По-настоящему роскошными вещи делает их исключенность из рынка, только тогда они дают нам чистое удовольствие, как у трехлетних детей, тянущих к себе всё, что утоляет их сенсорный голод и тут же забывающих свои трофеи ради новых. Фурье удалось точно высчитать, какому проценту людей понадобится именно такая форма удовольствия (18 обществ комбинированного порядка) – обладание богатствами.

Вдохновленные такими примерами, и богатые, страдающие от своего богатства, и бедные, страдающие от своей бедности, бросают прежнюю жизнь и устраивают фаланстеры всюду, с мировой столицей гармонии в Константинополе. Более прекрасного по расположению места Фурье, видимо, не мог себе представить, тем более, что Константинополь ассоциировался у него с «османскими удовольствиями» – многоженством, терпимым отношением к бисексуальности, тропическими фруктами, сладостями и украшениями базаров, поэтическим экстазом и стихами дервишей. Морскую воду фаланстерцы превращают в лимонад, используя энергию

полярных сияний. Ледяные шапки на полюсах исчезают, потому что они не нужны людям и север расцветает садами невиданных плодов, изобретенных садовниками-гурманами. Вся орошенная Африка выращивает сахарный тростник. Скучный хлеб выйдет из моды и уступит свою роль базовой пищи засахаренным фруктам. Везде и всем будут наливать сладкий компот – жизнь станет кондитерски прекрасным приключением, а мир превратится в огромное пирожное. Сладкое есть главная синекдоха обещанного нам гармонического будущего. В этом смысле проект Фурье это рай оральной фиксации.

Если мерить количеством счастья, каждый год в фаланстере приравнивается к столетию современной Фурье обыденной жизни. Новая наука неизбежно создаст «третий пол», сочетающий в себе все качества двух прежних в неискаженном и освобожденном виде. Эти новые андрогины великанского роста, сменившие прежних мужчин и женщин, призваны к тому, чтобы силой своих знаний передвигать небесные тела, наводя гармонический порядок в космосе. До этого момента космос выглядел как не использованная языковая система, тогда как должен он выглядеть как совершенная поэма. Новые андрогины – мифические герои древних культур, но помещенные на этот раз не к истоку времен, а данные как обещание в ближайшем будущем.

Изобретая неологизмы и рискованные сравнения, Фурье описывает гармонию фаланстеров – там нет досуга и свободного времени, но есть множество вариантов того, чем заняться и какой вид удовольствия предпочесть. Деятельность меняется каждые два часа.

Большинство утопий – исключают системы и в этом зародыши репрессивности. Утописты пытаются обнаружить в нашей природе дурные свойства и вообразить механизмы их искоренения, недопущения, блокировки. Фурье обещает включить в фалангу всех, найти им такое место, где их страсть удовлетворялась бы на пользу коллектива, какой бы странной она ни была – цветочки, любители навоза, чесания пяток, фиксированные т. е. постоянно верные своим удовольствиям и дрейфующие, т. е. ежедневно скользящие от одного удовольствия к другому, все найдут себя в новой социальной гармонии, все окажутся нужны друг другу в общественном симбиозе. Например, «каббалистическая» страсть к интригам полностью реализуется в театральной игре и свободной любви.

Человеческое удовольствие будет постоянно узаконивать себя и находить новые способы проявления в фаланстере. Всё, что отвергнуто или дискредитировано цивилизацией и её моралью, станет топливом этой машины счастья. Целостная и абсолютно развитая душа человека по подсчетам Фурье имеет 1620 качеств, составляющих бесконечные комбинации наших ежедневных стремлений. Эта полностью реализованная душа андрогинна – по 820 качеств от женской и столько же от мужской души. Её достижение и есть цель каждого в Фаланстере. Она и есть максимальный результат работы всей этой социальной машины. Ради этого финального и полного раскрытия всех свойств и стоит каждые два часа менять удовольствие т. е. деятельность, спать не более 4,5 часов, 150 лет жить в Фаланстере.

Цивилизованные

Если бы «цивилизованный» человек мог увидеть составленное из фаланстеров гармоническое человечество будущего, он наверняка потерял бы разум или умер от шока. Поэтому Фурье оговаривается, что дает лишь частичное описание, которое должно сделать людей безразличными к развлечениям цивилизации и не терпимыми к её горестным трудам.

«Цивилизованные» это те, кто внесли прискорбно дорогую плату за свою социализацию в нынешнем обществе. Такая социализация уродливо выгибает психику, требуя строгой и перманентной сублимации всех главных человеческих желаний и убогой «нормализации» воображения. Советские хиппи позаимствовали у Фурье этот крайне негативно окрашенный термин для своего сленга, превратив его в короткое и презрительно-ироничное слово «цивилы».

«Вся власть воображению!» – любимый лозунг сорбоннариев, восставших в 1968 г., звучит совершенно по-фурьеристски. Под воображением понималась та часть психики, которая так и не была репрессирована идеологическими аппаратами капитализма. Предполагалось, что это освобожденное воображение откроет глубинную и сложную синхронность людей, а вовсе не «конкуренцию фантазий» между ними, как это подразумевается в рыночном обществе.

Новый социальный контракт между людьми невозможен без нового контракта человека с собственной прожекторской, поэтической, «иррациональной» частью. Фурье поставил вопрос о новой версии рациональности, не совместимой с прежним классовым раскладом и ментальным режимом.

Счастливая телеология

Буржуазные читатели Фурье часто неверно понимали его цели как завуалированную мечту сделать всех аристократами на пиру-балу-карнавале. Тогда Фаланстер это идеальный отель с бесконечными видами анимации, непрерывный пир Тримальхиона, оргия эстетов и сатурналия, в которой стерты границы между хозяином и слугой. Конечно же, это не так. В отеле и на пиру не производят, не организуют, не изобретают, и даже в самом творческом варианте «досуга» просто имитируют всё это. В любом случае там отдыхают и отвлекаются от более требовательной, рациональной и утомительной жизни. В Фаланстере же всё существование переплавлено в счастливую деятельность, это попытка изобрести другую рациональность, освобожденную от искажающего влияния рынка, шанс заново повенчать чудесное с разумным.

Почему такой мир не останется без еды, горячей воды и фруктов? Почему в нем не случится перенаселения? Почему он не погибнет от эпидемии? Потому что – отвечает Фурье – именно такой мир изначально задан божеством, как цель для человечества, такой мир – социальная гармония фаланстеров и максимальная реализация душ – записан внутри самой человеческой природы. Вся история людей есть приближение к этому идеалу и гармония только и ждет, чтобы люди начали-таки её реализовывать в первых автономных общинах. Фурье ведет вера в объективную, математически вычислимую и поэтически обнаружимую, алгебраическую формулу нового порядка, в котором, в отличие от «цивилизации», не будет ничего стихийного и разрушительного. Фаланстеры с их оранжереями, паровыми котлами и парадами достижений окажутся фантастически эффективны и не узнают экономических или социальных проблем именно потому, что максимально соответствуют космической задаче человека. Предсказуемость и план социальной гармонии исключают скуку и однообразие так же, как исключают они антиобщественную стихийность. Фурье сравнивает гармоническую жизнь с дыней на пиру – мы никогда не знаем точно и заранее, какая она внутри на вкус, пока не попробуем, мы всегда заинтригованы этим, и всё же мы знаем, что это именно дыня, нам известны её общие свойства и возможные варианты её вкуса.

Северный Венец – полярный знак, порожденный самой гармонией т. е. новыми отношениями между живым и мертвым, обещанными этому миру как цель всей его истории. Гармония притягивает нас из будущего, как требовательный и сладкий магнит, невидимая звезда, вокруг которой вращается календарь.

Сакральная алгебра

Четыре элемента пронизаются общим гармоническим ритмом. Дрожание эйдетической струны стирает границу между игрой, любовью, трудом и наслаждением.

Социализм питается поэтической одержимостью, магической властью над стихиями и паранормальной математикой, открывающей нам разум бобров и пчёл. Разложение прежней функции на гармонические составляющие дает столь высокую амплитуду движения духа, что включает в пространство новой гармонии отношений не только людей, но и животных, растения, предметы и стихии.

Фурье завораживает пифагорейская рифма между алгеброй, музыкой, колористикой, физиологией и политической теорией. Единое знание, скрытое в основе всех наук. Новая природа, скрытая внутри старой, как цыпленок в яйце.

Преодоление экономического отчуждения оказывается условием для преодоления отчуждения человека от природы и преобразования самой природы.

И тогда нам наконец станет доступен аромаль – душа ароматов, которая заставит моря благоухать, а планеты – испытывать сексуальное влечение друг к другу.

Бестиарий утопии

Тоже касается и щегла, живущего у нас в «Циолковском». Мы завели его в приступе фурьеризма.

Согласно Фурье, щегленок – живая эмблема резонных социальных амбиций выходцев из простонародья, пернатая аллегория страсти к преобразованию мира на основах коммунитарной магии. При скромном оперении, голова этой птицы купается в красном цвете честолюбия, горит холодным, но ярким огнём альтернативной реальности гармонических надежд.

Впрочем, у Фурье весь животный мир есть набор вспомогательных эмблем. Пчёлы с их коллективным мёдом – обещание будущего, а осы с их бесполезными бумажными гнёздами – констатация позора нынешней цивилизации. Мир должен быть правильно прочитан, чтобы быть пересозданным.

Гармония обещает появление альтернативных видов, вроде анти-жирфа и анти-кита. В новом эоне произойдет земная материализация геральдических химер, воплощение условных зверей эдемского сада, которые устали быть просто метафорами иного бытия.

Фурьеризм

В Европе 1840-х фурьеризм сформировал целое литературное направление, суть которого – чувственный утопизм и стремление за пределы цивилизации с её бескрылой моралью и подавляющей логикой.

Но первое же поколение учеников Фурье (Виктор Консидеран и его школа), публикуя и комментируя труды своего пророка, старалось дозировать и убавлять «безумную» и слишком «страстную» сторону его проекта. Первые фурьеристы полагали, что их Учитель часто не отличал зеркал от окон, как и полагается всякому вдохновенному утописту. Их прежде всего впечатляли выпады Фурье против рыночного хаоса, финансовых спекуляций и власти монополий. К тому же было решено, что некоторые детали, безделушки и фрукты грядущей гармонии, описанные в его прожектах, настолько рассмешат или скандализуют не подготовленного обывателя, что лучше бы пока оставить их в тени. При грядущем комбинаторном т. е. переходном строе сознание людей должно изменяться постепенно вслед за поэтапными переменами в их жизни, тогда как перед самим пророком «социетарный строй» во всех своих удивительных деталях предстал почти сразу, как озарение, и затем лишь слегка уточнялся. Достаточно и того, что фурьеристы были первыми открытыми феминистами Европы. Фурье ввёл в политический обиход и сам этот термин.

Отдал дань фурьеризму и молодой писатель Федор Достоевский, проникшийся этим учением в кружке Петрашевского, главного распространителя идей Фурье в тогдашнем Петербурге. А вот герои позднего романа Достоевского «Бесы», радикалы и нигилисты нового поколения, уже не так уважают Фурье. Шигалев называет его «сладкой и отвлеченной мямлей».

Русские народники Чайковский и Мошков отправились в Канзас, к фурьеристу Вильяму Фрею, чтобы организовать там идеальный фаланстер, но не особенно в этом преуспели. Таких опытов в тогдашней Америке было очень много.

Нередко фурьеристские общины взрывала изнутри программа «свободной любви» – попытки упразднить семью ссорили всех между собой, чрезвычайно запутывали отношения общинников и разрушали их коллективы.

Андре Бретон увлекся тропами Фурье в американской эмиграции, поместил его в сюрреалистический иконостас и даже позаимствовал из его глоссария название («Абсолютное уклонение») для международной выставки сюрреалистов в 1965. В своей «Оде Фурье» он показывает утопическую силу как гигантского и двусмысленного весеннеглазого агнца, потрясающего основы. Бретон обращается к памятнику Фурье на бульваре Клиши, расплавленному вишистами, и рассказывает свободному подножию, что случилось с двенадцатью страстями, освобождение которых обещало гармонию, и почему так и не состоялся «гастрософический режим». Для сюрреалистов фурьеристские прожекты были прежде всего литературными опытами, через которые сигналил бессознательное.

В 1969 г. Ги Дебор и ситуационисты ненадолго восстановили на пустующем постаменте гипсовую и собственную версию памятника. Позже там стоял прозрачный гроб. А сейчас на сохранившемся пьедестале сияет зеркальное эдемское яблоко в память о разнице стоимостей яблок, с которой Фурье начинает политэкономическую критику цивилизации.

Десублимация

Для французской богемы двадцатого века Фурье это изобретатель политической оптики десублимации желаний, искаженных и заколдованных репрессивной антагонистичной системой. Десублимация как условие исполнения миссии человека. Возврат к полиморфной сексуальности – предпосылка нового мира под новыми небесами.

Фурье особо подчеркивал новую сексуальную рациональность фаланстеров. «Ангельская» пара, регулярно избираемая большинством, как самая красивая и совершенная, пускает в свою постель всех, кто этого захочет в благодарность за признание своего статуса. В наказание за грех, совершенный против общества, «Сферическая Иерархия» назначает число раз и число людей, с которыми провинившийся должен заняться любовью, чтобы лучше почувствовать своё единство с другими гражданами гармонии и исправиться. Исходит эта «иерархия» не из какого-то абстрактного права, но из имеющихся у всех научных таблиц, учитывающих положение звезд, направление ветров, календарное число, возраст человека, цвет его глаз и т. п.

Управление погодой и климатом с помощью приручения северных сияний и расцветание в небе полезных венцов, благословляющих этот социализм сладкоежек и эротоманов, прямо отсылает нас к фрейдомарксисту и первому теоретику сексуальной революции Вильгельму Райху, который через сто лет после Фурье пробовал управлять климатом с помощью открытого им оргонного излучения, призванного на радость всем битникам и «новым левым» стереть «иллюзорную» границу между мертвым и живым. Райх начинал с совершенно фурьеристских планов изобретения новой сексуальности пролетариата, а закончил построением машин, вызывающих дождь во время засухи и провоцирующих оргазм у «неживой» материи. В маккартистские годы ФБР на всякий случай засекретило эти исследования и посадило Райха в тюрьму, где он и умер.

Фурье предсказывает оргонную теорию Райха, опознавая планеты и звезды, как потенциально живые тела, подверженные влечениям, недугам и экстатическим приступам и описывая власть сверхлюдей будущего над универсальной энергией мироздания.

Эта фурьеристская линия длится и далее, в страстной и бунтарской контркультуре 1960–70-х, вплоть до неоанархиста Хаким Бея. Или в менее политизированной версии вплоть до «Нью Эйджа», адепты которого ожидают преобразования, «Эры Водолея» и стирания границы между техникой и магией под новыми небесами, которые всех сделают волшебниками. А в среде энтузиастов науки ближе всего к фурьеристской утопии влиятельный культ сингулярности, обещающей освободить информацию из прежних оков и сделать весь мир чувственным, фрактально организованным компьютером или, говоря иначе, впустить нас в мир, который всегда и был таким живым компьютером, непрерывно занятым самонастройкой.

Итак, у нас есть два века утопической традиции, основанной на освобожденной фантазии, магической математике и разбуженной чувственности. Что это для вас значит?

Уподобьтесь щеглу и настройтесь на несущий лучи космической жизни аромаль. В случае удачи, он погрузит вас в полный унитеизм и подключит ваше сознание к миру, который является ответом, а не вопросом.

Предисловие

В начале, как и в конце данного труда, я хочу привлечь внимание читателя к истине совершенно новой для людей *цивилизированных*. Дело в том, что теория четырех движений – социального, животного, органического и материального – единственное исследование, достойное разума. Это – исследование всеобщей системы природы, проблема, выдвинутая Богом перед всеми планетами, их обитатели могут достигнуть счастья лишь при ее разрешении.

До сих пор вы не решили этой проблемы и даже не исследовали ее: вы коснулись лишь четвертой и последней ветви этой теории материального движения, законы которого раскрыты Ньютоном и Лейбницем. Я неоднократно буду ставить вам в упрек это запаздывание человеческого разума.

Прежде чем опубликовать мою теорию, я дам в этом томе беглый ее набросок, присоединив к нему мои рассуждения о политическом невежестве *цивилизированных*. Наиболее яркими показателями этого невежества служат:

порочность системы супружества, охарактеризованная мною во второй части;

порочность системы торговли, охарактеризованная в третьей части, и *легкомыслие философов*, не сумевших найти лучший способ сочетания полов и обмена промышленных продуктов.

Несомненно, это вещи второстепенные по сравнению с событием столь значительным, как открытие законов движения, но необходимо коснуться некоторых комических сторон политики *цивилизированных*, дабы они почувствовали, что существует наука более точная, которая приведет в замешательство философские науки¹.

Читатель должен помнить, что одно возмещаемое мною открытие важнее всей остальной научной работы, проделанной за время существования рода человеческого.

В настоящее время, все помыслы *цивилизированных* должны быть направлены к выяснению вопроса, действительно ли я открыл теорию четырех движений, потому что в положительном случае следует предать сожжению все теории – политические, моральные и экономические, и готовиться к событию самому изумительному, самому счастливому для данного земного шара и для всех планет – к внезапному переходу от социального хаоса к универсальной гармонии.

¹ «Отвергая все известные ему философские науки, Фурье возмущался также их пассивным характером, тем что они ограничиваются лишь наблюдением явлений, и попытками их объяснения. Между тем, с его точки зрения, необходимо из изучения природы (в том числе природы человека и общества) делать действенные выводы, направленные на коренные изменения, с целью осуществить порядок, соответствующий открытым наукой природным закономерностям». (Зильберфарб И. Социальная философия Шарля Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой половины XIX века. М.: Наука, 1964. С. 70).

Вступительное слово

О легкомыслии цивилизованных наций, позабывших или пренебрегших двумя отраслями исследования, которые ведут к теории судеб, исследованием земледельческой ассоциации и притяжения страстей; и о пагубных результатах этого легкомыслия, бесполезно, же на протяжении двадцати трех веков удлиняющего продолжительность социального хаоса, т. е. существования обществ цивилизованного, варварского и дикого, отнюдь не соответствующих предназначению рода человеческого.

Обилие великих умов, порожденных *Цивилизацией*, особенно в XVIII веке, наводит на мысль, что все поприща мысли уже исчерпаны и что в дальнейшем не приходится ожидать не только великих открытий, но и открытий средней руки.

Это предубеждение будет мною рассеяно, люди поймут, что они постигли едва одну четверть того, что постигнуть необходимо, и что все сразу постигается благодаря теории общих судеб. Это ключ ко всем мыслимым достижениям человеческого ума. Эта теория сразу дает возможность познать то, для постижения чего, при медлительности ныне применяемых методов, могло понадобиться еще десять тысячелетий.

Возвешение этой теории, и уже само по себе обещание поднять человека на уровень понимания судеб, может на первых порах породить недоверие. Итак, я считаю уместным ознакомить читателя с теми приметам, которые привели меня на этот путь. Мое пояснение докажет, что открытие не требовало ни малейших научных усилий и что самый рядовой ученый мог бы сделать его раньше меня, если бы он имел требуемое для этого качество – отсутствие предрассудков.

Для точного определения судеб у меня было соответствующее качество, которого нет у философов, они служат оплотом предрассудков, они внедряют предрассудки, делая вид, что противоборствуют им.

Под философами я понимаю лишь творцов неточных наук – политиков, моралистов, экономистов и прочих, чьи теории не уживаются с опытом, являясь плодом лишь досуговой фантазии их авторов. Пусть читатель помнит, что, говоря о философях, я всегда имею в виду лишь философов ненадежной категории, а не творцов точных наук.

I

Приметы и методы, приведшие к объявленному открытию

Я меньше всего помышлял об исследовании *судеб*, я разделял общее мнение относительно их непроницаемости, и все точные исчисления в этой области я считал бреднями астрологов и чародеев. Исследования, приведшие меня в дальнейшем на этот путь, первоначально касались лишь проблем производственных или политических, о которых я постараюсь дать некоторое понятие.

Ввиду бессилия, проявленного философами при их первом опыте с французской революцией, все признали их науку заблуждением человеческого ума; мнимые потоки политического и морального просвещения оказались сплошной иллюзией. Можно ли усматривать что-либо иное в писаниях этих ученых, которые, употребив двадцать пять столетий на совершенствование своих теорий, сосредоточив у себя все научные достижения человечества античной и новой эпохи, для начала порождают столько бедствий, сколько сулили благоденствий, и сталкивают *цивилизированное* общество на ступень варварства.

Таков итог первого пятилетия, на протяжении которого во Франции применялись философские теории.

После катастрофы 1793 г. иллюзии рассеялись; политические и моральные науки поблекли и были безвозвратно дискредитированы. Отныне стало ясно, что от приобретенных знаний не приходится ждать счастья, что социального благоденствия надо искать в какой-то новой науке и проложить новые пути политическому гению; было очевидно, что ни философы, ни их соперники не умеют исцелить от социальных бедствий и что под прикрытием догм, проповедуемых и теми и другими, вечно будут существовать самые позорные бедствия, в том числе бедность.

Вот те соображения, которые впервые натолкнули меня на мысль о существовании еще неведомой социальной науки и побудили меня стремиться к ее открытию. Незначительность моих познаний меня не пугает: я считал для себя честью постигнуть то, чего люди не сумели открыть за двадцать пять веков учености. К моим занятиям меня поощряли многочисленные показатели заблуждения человеческого разума и в особенности зрелище бедствий, претерпеваемых общественным производством: бедность, безработица, мошенничество, морское пиратство, торговая монополия, принудительное обращение в рабство (*l'enlèvement des esclaves*) и много других бедствий, перечислять которые я не стану и которые невольно наводят на мысль: *не есть ли цивилизованная промышленность бедствие, изобретенное Богом в наказание роду человеческому?*

Отсюда я пришел к заключению, что в этом производстве естественный порядок как-то извращен, что оно функционирует, пожалуй, вразрез с предначертаниями Бога, что упорно продолжающиеся бедствия следует приписать отсутствию каких-то установлений, угодных Богу и неведомых нашим ученым. И, наконец, я пришел к мысли о том, что если, как говорит Монтескье, человеческое общество чахнет, страдает внутренним изъяном, отравлено тайным и скрытым ядом, то для исцеления его надо сойти с путей, проторенных неточными науками, не находившими способа исцеления на протяжении стольких веков. Итак, в своих изысканиях я взял за правило абсолютное сомнение и абсолютное отрешение от усвоенных приемов. Я должен охарактеризовать оба эти метода, до меня никем еще не примененные.

1. *Абсолютное сомнение*. Декарт имел о нем представление, но, восхваляя и рекомендуя сомнение, он применял его лишь частично и не к месту. Его сомнения были смешны, он сомневался в собственном существовании и занимался преимущественно опровержением древних софизмов, а не исканием полезных истин.

Последователи Декарта использовали метод сомнения еще в меньшей мере. Они сомневались лишь в том, что им не нравилось. Например, будучи противниками духовенства, они взяли под сомнение самую необходимость религий, но они остерегались ставить под вопрос необходимость наук политических и моральных, которые давали им средства к жизни, теперь они признаны совершенно бесполезными при правительствах сильных и весьма опасными при правительствах слабых.

Не будучи связан ни с каким научным течением, я решил усомниться в правильности взглядов тех и других без различия, вплоть до общепризнанных положений. Я имею в виду саму *Цивилизацию*, идола всех философских школ, видящих в ней верх совершенства. А между тем, что может быть менее совершенно этой *Цивилизации* с сопутствующими ей бедствиями? Что может быть сомнительнее ее необходимости и грядущей прочности? Не напрашивается ли мысль, что это лишь одна из ступеней на пути общественного развития? Если ей предшествовали три других общества: дикость, патриархат и варварство, следует ли отсюда, что *Цивилизация* есть последняя ступень, потому, что она есть четвертая? Разве не могут народиться другие общества, разве мы не увидим пятый, шестой, седьмой общественный строй, быть может, менее гибельные, чем *Цивилизация*, и неведомые нам до сих пор лишь потому, что мы не старались их открыть? Итак, надо взять *Цивилизацию* под сомнение, усомниться в ее необходимости, в ее превосходстве и в ее незыблемой прочности. Философы не дерзают ставить перед собой этот вопрос, потому что взять под подозрение *Цивилизацию*, значило бы навлечь подозрение в никчемности на их собственные теории, тесно увязанные с *Цивилизацией* и отмирающие с ней при нарождении лучшего общественного строя, идущего ей на смену.

Итак, философы ограничиваются частичным скептицизмом. Объясняется это тем, что им выгодно поддерживать корпоративные писания и предрассудки; и из боязни подорвать успех своих книг и своих школ, они всегда лицемерно обходили самые существенные вопросы. Не поддерживая ни одного из течений, я мог усвоить абсолютное сомнение и применить его первым долгом к *Цивилизации* и к ее самым закоренелым Предрассудкам.

2. *Абсолютное отрешение*. Я пришел к заключению, что наивернейший способ прийти к полезным открытиям – это отрешиться совершенно от приемов, усвоенных неточными науками, никогда не давшими обществу ни малейшего полезного изобретения, несмотря на огромный прогресс промышленности, им не удалось даже предотвратить бедность. Итак, я поставил себе задачей находиться постоянно в оппозиции к этим наукам, ввиду наличия у них множества писателей я решил, что все трактуемые ими вопросы должны быть полностью исчерпаны и что поэтому братья надо лишь за проблемы, никем из них не затронутые.

Следовательно, я избегал каких либо изысканий по вопросам касающимся *Трона* и *Алтаря*², безуданно занимавших философов с первых шагов их науки, философы всегда искали общественного блага в административных и религиозных новшествах, я, наоборот, старался искать блага в мероприятиях, не имеющих никакого отношения ни к управлению, ни к священству, в мероприятиях по существу производственного и бытового характера, совместимых с любым правительством, и не нуждающихся в его вмешательстве.

Руководствуясь этими двумя принципами – абсолютного сомнения в отношении всех предрассудков и абсолютного отрешения от всех известных теорий, – я непременно должен был выйти на какой-нибудь новый путь, если таковой имеется; но я и не мечтал постигнуть судьбы мира. Не питая столь больших претензий, я на первых порах вращался лишь в кругу самых заурядных проблем, главные из них на мой взгляд: *земледельческая ассоциация* и способ косвенного пресечения *торговой монополии островитян*. Я называю обе эти проблемы, потому что они связаны друг с другом и разрешение одной решает другую. Нельзя косвенно уничтожить монополию островных держав, не создав земледельческой ассоциации, и наоборот

² Имеются в виду отношения государства и церкви. – *Примеч. ред.*

стоит изыскать способ осуществления земледельческой ассоциации, и это без боя уничтожит *островную монополию*, пиратство, ажиотаж, банкротство и другие бичи, гнетущие промышленность.

Я тороплюсь осветить выводы, чтобы заинтересовать проблемой земледельческой ассоциации, к этому вопросу относились, видимо, столь безучастно, что ученые ни разу не потрудились им заняться.

Прошу читателя помнить, что я считаю необходимым ознакомить его с соображениями, которые привели меня к моему открытию. Таким образом, я собираюсь обсудить вопрос, как будто не имеющий отношения к судьбам мира: я имею в виду земледельческую ассоциацию. Начав задумываться над этим вопросом, я и сам не предполагал, что столь скромные рассуждения могут привести меня к *теории судеб*. Но поскольку эти размышления послужили ключом, я должен остановиться на них несколько пространно.

II О земледельческой ассоциации

Решение этой проблемы, обычно столь пренебрегаемое, привело меня к разрешению всех политических проблем. Как известно, от малого до великого один шаг: с помощью металлической иглы мы подчиняем себе молнию и ведем корабль во мраке и в бурю. Мой способ прост, и все же с помощью его можно положить конец всем социальным бедствиям. В наши дни, когда *Цивилизация* купается в крови, чтобы утолить зависть торговых соперников, людям, несомненно, будет интересно узнать, что имеется мероприятие производственного характера, которое навсегда положит этому конец, без всякой борьбы, и что *морская держава*, до сих пор внушавшая столько страха, будет сведена к абсолютному ничтожеству благодаря земледельческой ассоциации.

Такое мероприятие было неосуществимо в античные времена, потому что земледelec был тогда рабом, греки и римляне продавали хлебопашца как вьючное животное, и философы это санкционировали: они никогда не протестовали против этого гнусного обычая. Ученые имеют обыкновение считать невозможным все, чего не пришлось им видеть, они воображали, что без ниспровержения общественного строя освободить земледельца невозможно. Однако освободить земледельцев удалось, а общественный строй благодаря этому лишь лучше организован. Теперь философы предубеждены против земледельческой ассоциации, как раньше в вопросе рабовладения. Они считают ассоциацию невозможной только потому, что она никогда не существовала. Видя, как семейства селян работают разобщенно, они воображают, что никаким способом ассоциировать их нельзя, или, по крайней мере, они делают вид, что так думают, в этой области, как и во всякой другой, они в собственных интересах ссылаются на неразрешимость любой проблемы, которую они не умеют решить.

И тем не менее, людям не раз уже приходила в голову мысль об огромной экономии и огромных улучшениях, которые получились бы в результате объединения в производственную ассоциацию (*societe industrielle*) жителей каждого селения, с тем, чтобы возделывающие тот или иной кантон две – три сотни семейств неравного достатка были ассоциированы прямо пропорционально наличному у них капиталу и производству.

На первых порах эта идея представляется гигантской и неосуществимой благодаря усматриваемой в страстях помехе такого рода объединению; это препятствие пугает, тем более, что преодолеть страсти постепенно нельзя. Объединить в земледельческое общество двадцать, тридцать, сорок, даже сто индивидуумов невозможно; чтобы образовать естественную или притягательную ассоциацию, нужно, по меньшей мере, восемьсот человек. Говоря так, я имею в виду такое общество, члены которого будут вовлекаться в трудовые функции соревнованием, самолюбием и другими стимулами, уживающимися с личной заинтересованностью. Строй, о котором идет речь, заставит нас горячо полюбить земледелие, ныне внушающее людям такое отвращение, что занимаются им только в силу необходимости и из боязни умереть от голода.

Я опускаю подробности изысканий, проделанных мной, когда я работал над вопросом естественной ассоциации; этот строй столь противоположен нашим жизненным навыкам, что я не тороплюсь ознакомить с ним читателя. Описание его показалось бы смешным, если бы я не подготовил к нему читателя беглым обзором огромных выгод, из него вытекающих.

Земледельческая ассоциация, если допустить, что она охватит около одной тысячи человек, представляет столь огромные преимущества для производства, что совершенно непонятна беспечность наших современников в этом вопросе, ведь существует целая категория ученых и экономистов, занимающихся специально обсуждением способов совершенствования производства. Их пренебрежительное отношение к изысканию метода ассоциации тем более непонятно, что сами они уже указали на некоторые преимущества, из нее вытекающие; так, напри-

мер, они уже поняли, и каждый должен это понять, что у трехсот семейств ассоциированных селян был бы лишь один единственный, тщательно содержанный амбар, вместо трехсот амбаров, плохо содержанных, один единственный чан, вместо трехсот чанов, обычно чрезвычайно запущенных; что, в целом ряде случаев, особенно в летнее время, у них топились бы три – четыре больших печи вместо трехсот; что они посылали бы в город только одну молочницу с бочкой молока на рессорной тележке и сэкономили бы на этом полсотни дней, затрачиваемых сотней молочниц на доставку в город сотни жбанов молока. Мысль о такой экономии приходила в голову целому ряду наблюдателей, а ведь они не отметили и одной двадцатой доли материальных выгод, порождаемых земледельческой ассоциацией.

Ее сочли неосуществимой только потому, что не знали способа ее образования; но разве это – основание для заключения о невозможности открыть этот способ и о ненужности соответствующих изысканий? Принимая во внимание, что *земледельческая ассоциация* утроила бы, а зачастую и десятикратно увеличила бы доход от обработки земли, нельзя сомневаться в том, что Бог не подумал о способах ее основания, потому что он должен был первым долгом над организацией производственного механизма, этого стержня человеческих обществ.

Торопясь противопоставить мне свои доводы, несогласные со мной, выдвинут ряд возражений. Как ассоциировать семейства, если у одного из них 100 тыс. фунтов, а у другого ни гроша? Как распутать столько различных интересов, примирить столько противоречивых волевых устремлений? Как уничтожить все проявления зависти, сочетав все интересы в едином плане? В ответ на это я укажу на приманку, заключающуюся в богатстве и удовольствиях: сильнейшая страсть как крестьян, так и горожан – любовь к наживе. Когда они увидят, что кантон, ассоциированный при равных шансах, приносит дохода в три, в пять, в семь раз больше, чем кантон, где семьи хозяйничают индивидуально, да еще обеспечивает всем членам ассоциации самые разнообразные наслаждения, они позабудут зависть и соперничество и поторопятся образовать ассоциацию, без всякого принуждения со стороны закона она распространится на все районы, потому что все люди страстно любят богатство и утеху.

Резюмирую: эта теория земледельческой ассоциации, которой суждено изменить участь рода человеческого, льстит страстям, которые присущи всем людям, она соблазняет их приманкой наживы и наслаждений; в этом гарантия ее успеха у дикарей и варваров, точно так же как и у *цивилизованных*, потому что страсти всюду одни и те же.

Я не тороплюсь ознакомить с этим новым строем, который я *назову прогрессивными сериями (series), или сериями групповыми, или сериями страстей*³.

Так именуя я совокупность нескольких ассоциированных групп, посвятивших себя различным отраслям одного и того же производства или различным видам одной и той же страсти. С этим можно ознакомиться в примечании А⁴ (в конце тома), где я несколько подробнее останавливаюсь на организации прогрессивных серий; этих сведений еще недостаточно, но они оградят от ошибочного представления об этом механизме, которое могло бы сложиться на основании ряда сообщенных мною подробностей, обычно извращаемых при передаче из уст в уста.

³ «Страсть (характер, вкус, мания) есть несводимое единство фурьеристской комбинаторики, абсолютная графема утопического текста. Страсть естественна (в ней нечего исправлять, разве что производить некую контрприроду, то, что происходит в Цивилизации). Страсть беспримесна (ее сущность чиста, сильна, резко очерчена: одна лишь цивилизованная философия рекомендует страсти дряблые, апатичные, контроль и компромисс). Страсть счастлива („Счастье... состоит в том, чтобы иметь много страстей и много средств для их удовлетворения“). Страсть не есть возвышенная форма чувства, мания не есть причудливая форма страсти. Мания (и даже прихоть) есть сама сущность страсти, единство, исходя из которого, обуславливается Притяжение (притягательное и притягивающее). Страсть не поддается ни деформации, ни трансформации, ни редукции, ни измерению, ни замене: это не сила, это число; мы не можем ни разложить, ни амальгамировать эту счастливую, искреннюю и естественную монаду, но можем лишь подвергнуть ее сочетанию, пока она не воссоединится с целостной душой, трансиндивидуальным телом, имеющим 1620 свойств». (Барт Р. Сад, Фурье, Лойола. М.: Праксис, 2007. С. 132).

⁴ С. 374 данного издания

Теория страстных серий, или прогрессивных серий, не выдумана произвольно, наподобие наших социальных теорий. Закон этих серий во всем совершенно аналогичен закону геометрических рядов; все свойства последних присущи первым; пример – баланс соперничества между крайними и средними группами серии. Более подробно это объяснено в примечании А.

Страсти, которые считались врагами согласия и против которых написано много тысяч обреченных на забвение томов, страсти, говорю я, стремятся к согласованию, к социальному единству, которого они, казалось, столь чужды, но гармония может установиться меж ними лишь по мере правильного развития в прогрессивных, или групповых сериях. Вне этого механизма страсти, спущенные с цепи тигры, непонятные сфинксы, именно это побуждает философов требовать их подавления. Требование вдвойне нелепо, так как с одной стороны, кроме как насилием и взаимным поглощением подавить страсти нельзя, с другой стороны, если бы каждый подавлял страсти, *Цивилизация* быстро пришла бы к закату, и человечество вернулось бы к состоянию кочевья, причем страсти были бы столь же пагубны, как и теперь среди нас: в добродетели пастухов я верю не больше, чем в добродетели их апологетов.

Социетарный (sociétaire) строй, который придет на смену хаосу Цивилизации, не приемлет ни умеренности, ни равенства, ни единой из философских концепций: ему нужны страсти пылкие и утонченные. По образованию ассоциации, страсти гармонизируются тем легче, чем они пламеннее и многообразнее.

Дело совсем не в том, что этот новый строй внесет какие-либо изменения в страсти, это не под силу ни Богу, ни человеку, но течение страстей можно изменить, не меняя их характера. Взять хотя бы такой пример: человек неимущий чувствует отвращение к браку, но предложите ему невесту с приданым в виде годового дохода в сто тысяч фунтов, и он охотно заключит узы брака, которые претили ему еще накануне. Значит ли это, что страсть его изменилась? Нет, но преобладающая в нем страсть – любовь к богатству – изменила свое направление; для достижения своей цели она пойдет путем, который не нравился ему вчера, характер ее останется неизменным, изменится лишь направление.

Итак, если я заранее утверждаю, что в новом строе вкусы у людей будут отличаться от их современных вкусов, и что пребывание в деревне они будут предпочитать жизни в городе, это отнюдь не значит, что с изменением вкусов изменятся страсти, люди по прежнему будут движимы любовью к богатству и к утехам.

На этом своем положении я настаиваю, чтобы устранить смехотворное возражение со стороны тупиц, услышав об изменении вкусов и привычек в результате установления *социетарного* строя, они тотчас же воскликнут: значит, вы измените страсти! Вовсе нет, но перед ними откроются новые возможности, у них будет в три – четыре раза больше простора для развития по сравнению с нынешним строем дисгармонии. В силу этого *цивилизованные* люди вскоре почувствуют отвращение к навыкам, милым их сердцу сейчас, например, к семейной жизни: они увидят, что в семье дети только и делают, что воюют, ломают, ссорятся и отказываются работать, тогда как те же дети, войдя в прогрессивные, или групповые серии, станут заниматься лишь производительным трудом по собственному побуждению: соревноваться, добровольно обучаться возделыванию земли, фабричному труду, наукам и искусствам, они станут производить и создавать доход, воспринимая в то же время свой труд как развлечение. Созерцая этот новый строй, отцы признают, что их дети прелестны в сериях и ненавистны в разобщенных семьях. Затем они увидят, что в резиденции *фаланги*⁵ (так именую я ассоциацию, распространяемую на целый кантон) чудесно питаются, что расходуя на стол втрое меньше, чем в семье, стол сервируют там в три раза деликатнее и обильнее, так что питаться там можно втрое лучше, а расходовать при этом втрое меньше, чем в семье, притом минуя все трудности

⁵ Имеется в виду фаланстер, в самой первой работе Фурье это определение не употребляется, но уже во втором томе появляется и план фаланстера. – *Примеч. ред.*

продовольственного снабжения и приготовления пищи. И, наконец, видя, что во взаимоотношениях серий отсутствует обман и лукавство, что народ, лживый и коварный при *Цивилизации*, лучезарно правдив и учтив в сериях, люди почувствуют отвращение к семейному очагу, к городам, к *Цивилизации*, ко всем этим предметам их теперешней любви; они захотят ассоциироваться в серийную фалангу и жить в ее здании, они откажутся от навыков и вкусов, свойственных им сейчас. Но значит ли это, что изменятся их страсти? Нет, но движение страстей будет иным, хотя целевая установка и характер их останутся неизменными. Итак, ошибаются те, кто думает, что строй прогрессивных серий, отличный от строя *Цивилизации*, внесет хотя бы малейшее изменение в страсти; они были и будут неизменны, независимо от того, порождают ли они разлад и бедность вне прогрессивных серий, или согласие и богатство⁶ в *социетарном* строе, который предуготован нам судьбой и образование которого в каком-либо одном кантоне вызовет стихийное подражание по всей стране в силу приманки, заключающейся в огромной доходности и в бесчисленных наслаждениях, обеспечиваемых этим строем всем индивидуумам, при всем их имущественном неравенстве.

Перехожу к результатам этого изобретения под углом зрения науки.

⁶ «В Гармонии богатство не только сохраняется, но еще и увеличивается, оно вступает в игру счастливых метафор, наделяя фурьеристские демонстрации то церемониальным блеском драгоценных камней („капля алмаза в лучезарном треугольнике“, орден за святость в любви, т. е. за всеобщую проституцию), то скромностью, исчисляемой в су „20 су Расину за его трагедию „Федра“; правда, эта сумма приумножена всеми кантонами, решившими почтить драматурга); сами операции, связанные с деньгами, также являются мотивами для приятной игры: эта игра в войне любви состоит в искуплении (выкупе) пленных. Деньги причастны сиянию удовольствия („Органы чувств не могут по настоящему вознестись в небо без посредства денег“); деньги желанны, как это было в прекрасную эпоху цивилизованной коррупции, а пройдя эту эпоху, они увековечиваются на правах роскошного и „неподкупного“ фантазма». (Барт Р. Сад, Фурье, Лойола. М.: Праксис, 2007. С. 113).

III

О притяжении страстей под углом зрения точных наук

То ли в силу нерадения, то ли из боязни провала, ученые пренебрегали исследованием проблемы ассоциации. Что бы ими ни руководило, но они этим пренебрегали. Я занялся этой проблемой, первый и единственный. Отсюда явствует, что если теория ассоциации, неведомая доселе, может привести к другим открытиям, если она послужит ключом к некоторым новым наукам, они должны быть поставлены в заслугу мне одному, потому что я один искал и обрел эту теорию.

Что касается новых наук, доступ к которым она открывает, то я ограничусь указанием лишь двух главных, и так как эти подробности широкому кругу читателей не интересны, то я буду по возможности краток.

Первой открытой мною наукой является теория притяжения страстей.

Когда я понял, что прогрессивные серии обеспечивают полноценное развитие страстям людей обоих полов, различных возрастов и классов, что в этом новом строе человек будет обладать тем большей силой и тем большим богатством, чем больше у него будет страстей, я догадался, что, отводя такое влияние притяжению страстей и так мало влияния враждебному им разуму, Бог это делал для того, чтобы мы усвоили строй прогрессивных серий, вполне соответствующий закону притяжения. С этого момента я полагал, что притяжение, столь хулимое философами, является истолкователем предначертаний Бога относительно социального строя, и я пришел к аналитическому и синтетическому исследованию притяжения и отталкивания страстей; в каком бы направлении они ни действовали, они ведут к земледельческой ассоциации. Итак, законы ассоциации были бы открыты сами собой, если бы кто-либо потрудился произвести анализ и синтез притяжения. Об этом никто не подумал даже в XVIII веке, когда впутывали аналитический метод всюду, но только не для исследования притяжения.

Теория страстного влечения и отталкивания есть нечто незыблемое, где целиком применимы геометрические теоремы: в ней заложена возможность широкого развития, она будет давать пищу мыслителям, которые, как мне кажется, сильно затрудняются применить свою метафизику к какому-либо ясному и полезному предмету исследования.

Итак, о связи между новыми науками. Скоро я понял, что законы страстного влечения по всей линии соответствуют законам материального притяжения, открытым Ньютоном и Лейбницем, и что существует единство движения мира материального и мира духовного.

Я подозревал, что эта аналогия может простираться от общих законов к законам частным (*particulieres*), что влечения и свойства животных, растений и минералов, быть может, были координированы по тому же плану, что свойства человека и небесных тел; в этом я и убедился после необходимых изысканий. Так была открыта новая точная наука: аналогия четырех движений; материального, органического, животного и социального, или аналогия модификации материи с математической теорией страстей, свойственных человеку и животным.

Открытие этих двух точных наук открыло мне глаза и на другие науки. Приводить здесь их перечень не имеет смысла, они охватывают все, вплоть до литературы и искусств, и во всех отраслях человеческого знания установят те же точные методы.

Овладев двумя теориями притяжения и единства четырех движений, я проник в волшебные тайны природы, они раскрылись предо мной одна за другой, и я сорвал завесу, слышную непроницаемой. Я шел вперед в этом новом научном мире, так постепенно дошел я до исследования мировых судеб, до определения той основной системы, с которой сообразованы законы всех движений в прошлом, настоящем и будущем.

При наличии такого успеха не знаешь, чему больше удивляться: то ли игре судьбы, открывшей мне столько новых наук при помощи небольшого исследования ассоциации, кото-

рая служит ключом к ним, то ли легкомыслию ученых, целых двадцать пять веков не размышлявших над этим вопросом, несмотря на исчерпание ими стольких других отраслей исследования. Полагаю, вопрос будет разрешен в мою пользу, и размеры моих открытий будут изумлять меньше, чем беспечность веков, пренебрегавших такими открытиями.

Я уже утешил ученых в их невзгоде, поведав им, что всех их ждет обильная жатва славы и богатства, новых наук много больше, чем золотых россыпей при открытии Америки. Но, не обладая знаниями, необходимыми для развития этих наук, я возьму себе только одну единственную науку о социальном движении. Все остальные я оставляю людям различных категорий, обладающим эрудицией. Это великолепное поле для их размышлений.

Как нуждались они в этой новой пище! Ученые всех категорий изнемогали и жалко прозябали. Они двадцать раз пережевывали и перетряхнули все, вплоть до последнего зернышка в известных науках; им только и оставалось, что выдумывать софизмы для последующего их опровержения и писать целые тома за и против, то выдвигая, то опровергая каждое ошибочное положение.

Отныне картина меняется: от абсолютного убожества ученые перейдут к необъятному богатству, жатва будет столь обильна, что все они смогут принять в ней участие и стяжать колоссальную славу, потому, что они первые начнут разработку этого научного пласта, жилы которого сулят им богатство. Начиная со второго *мемуара*, где я буду трактовать движение животное и органическое, каждый сообразно своей компетенции сможет наметить себе объект для разработки и сочинять трактаты по линии точных наук. Я настаиваю на термине «точная наука»: этот термин совершенно неуместно применяется к наукам расплывчатым и капризным, какова ботаника, различные системы ее имеют в основе совершенно произвольную классификацию. Они не имеют ничего общего с естественным методом, который заключается в сведении всех форм и свойств созданных предметов к единому общему типу, к математической системе человеческих страстей.

Я дал понять, что науки станут, наконец, развиваться определенным образом на основе единого неизменного метода. Уже во втором *мемуаре* я дам некоторое представление об этом методе, который сводит все к нашим страстям. Во всем существующем этот метод обнаруживает картину игры страстей, и эта аналогия внесет в самые неприятные исследования, например, анатомические, больше прелести, чем представляет для нас сейчас изучение цветов.

К числу счастливых результатов этого метода, прежде всего, относится открытие специфических лекарств от каждой болезни. Нет недуга, от которого не существовало бы одного или нескольких противоядий в том или другом из трех царств. Однако, не обладая правильной теорией для отыскания неведомых лекарств, медицина вынуждена была идти ощупью на протяжении веков и даже тысячелетий, пока случайно не попадалось лекарство; так и не найдено до сих пор естественного противоядия от чумы, бешенства и подагры: они будут найдены благодаря *теории четырех движений*. Медицина, как и все другие науки, выйдет из длительного младенческого состояния и на основе точного исследования контр-движений поднимется на ступень познания всего того, что до сих пор было для нее непостижимо.

IV

Заблуждения разума благодаря неточным наукам

Слава и знание, несомненно, желательны, но при отсутствии благосостояния их недостаточно. Просвещение, трофеи и другие иллюзии не ведут к счастью, которое заключается прежде всего в обладании богатством. Ученые при *Цивилизации* обычно несчастны, потому что бедны: дарами счастья они будут наслаждаться лишь при новом общественном строе, идущем на смену *Цивилизации*. При этом социальном строе любой ученый или артист при наличии действительной заслуги станет обладателем колоссального богатства, ниже я укажу, как будет устанавливаться заслуга путем ежегодной постановки на голосование во всех кантонах земного шара вопроса о творениях, достойных увенчания.

Но рисуя точным наукам и искусствам открывающуюся перед ними блестящую карьеру, в каком тоне вещать мне о буре, которая разразится над старыми идолами *Цивилизации* – неточными науками? Облечься ли мне в длинные траурные одежды, чтобы объявить политикам и моралистам, что пробил для них роковой час и что их огромные галереи с фолиантами погрузятся в Лету забвения, что Платоны, Сенеки, Руссо, Вольтеры и все корифеи неточных наук в античном и новом мире будут преданы забвению (я имею в виду не их литературные произведения, а лишь то, что имеет отношение к политике и морали).

Этот крах библиотек и репутаций не содержит в себе ничего оскорбительного для философского корпуса, так как его самые знаменитые представители уже сошли в могилу и не смогут наблюдать своего бесчестия. Что касается их живых последователей, пусть посвятят свои размышления счастью, их ожидающему, и познают радость проникновения в святилище природы, куда не имели доступа их предшественники.

Разве не предвидели они постоянно грозу, собиравшуюся над их головой? Они предвещали ее в своих знаменитых писаниях от Сократа, надеявшегося, что в один прекрасный день свет снизойдет на человечество, до Вольтера, который, горя нетерпением это видеть, восклицает: «Какой густой мрак окутывает еще природу!»⁷ Все сознают бессилие науки и заблуждения разума, который они задумали совершенствовать: все вместе с Варфоломеем⁸ в один

⁷ «Фурье стремится расшифровать мир, чтобы переделать его (ведь как переделать, не расшифровав?). Фурьеристская расшифровка исходит из самой трудной ситуации, заключающейся не столько в невидимости знаков, сколько в их непрерывности. Есть высказывание Вольтера, которое Фурье непрерывно повторяет на собственный счет: „Но какая же густая ночь еще скрывает (вуалирует) природу“?; а ведь в вуали, в конечном счете, важна не столько идея маски, сколько идея скатерти. Еще раз: древнейшая задача логотета, основателя языка, состоит в том, чтобы без конца кроить язык: первая операция – «кусать» скатерть, чтобы впоследствии можно было ее стягивать (или тянуть на место). Следовательно, в известной мере надо отличать расшифровку от раскрой. Расшифровка отсылает к полной глубине, к следам тайны. Раскрой отсылает к пространству отношений, к некоей дистрибуции. У Фурье расшифровка постулируется, но на, в общей сложности, второстепенных правах: она касается лжи и притворства цивилизованных классов: так обстоят дела с „тайными принципами“ буржуазии, „которая начинается с того, что сто раз выпаливает ложь в своей лавке ради принципов свободной торговли. Поэтому буржуа послушает святую мессу, а возвратившись, трижды четыреста раз расскажет ложь, обманет и обокрадет тридцать покупателей ради тайного принципа торговцев: мы работаем не ради славы, нам нужны деньги“. Совершенно иное явление, обладающее совершенно иной важностью – раскрой – или, иначе, систематизация (приведение в систему); такое прочтение, являющееся существенным для фурьеристской работы, касается всей Природы (обществ, чувств, форм, природных царств) в том, что она представляет собой целостное пространство Гармонии – ведь человек у Фурье абсолютно инкорпорирован в мироздание, включая небесные светила; теперь это не изобличающее и умаляющее прочтение (ограниченное моральной ложью буржуазии), но прочтение возвышающее, интегрирующее, восстанавливающее, стирающееся до изобилия форм мироздания». (Барт Р. Сад, Фурье, Лойола. М.: Праксис, 2007. С. 126).

⁸ Редакция не преуспела в попытках написать внятный комментарий о том, на какого именно Варфоломея намекал Фурье. Может быть имеется в виду Св. Апостол Варфоломей? Но в его житии, вплоть до момента его мученической смерти (а его распяли вниз головой, а потом (он продолжал проповедь) сняли с креста, сняли кожу и обезглавили) отсутствуют упоминания о высказываемой им вражде в адрес библиотек. Всех остальных Варфоломеев, которых удалось обнаружить, встроить в данный контекст не получилось. Вопрос этот остается пока непроясненным, и это интересная задача для будущих поколений российских фурьеведов. – *Примеч. ред.*

голос заявляют: «Эти библиотеки, мнимые сокровищницы божественных знаний, лишь жалкое собрание противоречий и ошибок».

К сожалению, это правда! За двадцать пять столетий существования наук политических и моральных ими не сделано ничего для счастья человечества: они способствовали лишь росту человеческого лукавства прямо пропорционально совершенствованию преобразовательных наук. В конечном счете, они увековечили лишь бедность и вероломство, помогая воспроизводить в различных формах те же бедствия. После стольких бесплодных попыток совершенствования социального строя удел философов – лишь смятение и отчаяние. Проблема народного счастья для них – непреодолимый подводный риф: разве зрелище нищеты в наших городах не ярко свидетельствует о том, что потоки философского просвещения – лишь потоки мрака?

Однако овладевшее всеми беспокойство говорит о том, что род человеческий не достиг еще цели, предназначенной ему природой; и эта всеобщая тревога предвещает нам какое-то крупное событие, которое изменит нашу судьбу. Изнемогая от бедствий, нации жадно цепляются за всякую политическую или религиозную мечту, которая сулит им проблески счастья, так отчаявшийся больной рассчитывает на чудесное исцеление. Чудится, что природа шепчет на ухо роду человеческому, что ему уготовано счастье, пути коего неведомы, и что чудесное открытие внезапно рассеет мрак *Цивилизации*.

Разум, как бы ни щеголял он своими успехами, не сделал для счастья ничего, поскольку он не дал человеку того общественного богатства, которое служит предметом всех сокровенных желаний. Под общественным богатством я разумею богатство, имеющее разные ступени, но ограждающее от нужды людей даже самых бедных и обеспечивающее им, по меньшей мере, то минимальное благосостояние, которое именуется у нас средним буржуазным достатком. Если бесспорно, что для человека, живущего в обществе, первым источником счастья после здоровья является богатство, значит все напыщенные теории разума, не сумевшего обеспечить нам относительного богатства или различных степеней достатка, суть бесполезные не достигающие цели разглагольствования, и открытие, мною здесь возвещаемое, было бы подобно теориям политическим и моральным – лишь новым посрамлением разума, если бы оно принесло нам познание, и еще раз познание, не дав богатств, необходимых нам в большей мере, чем наука.

Теория судеб осуществит сокровенные желания наций, обеспечив каждому богатство той или иной ступени, которое является предметом всеобщих желаний и обрести которое можно лишь при строе прогрессивных серий. Что касается *Цивилизации*, из недр которой нам предстоит выйти, то я докажу, что она далеко не является производственной судьбой человечества; это лишь временный бич, которым болеет большинство планет в первые эпохи своего существования; для рода человеческого; это лишь преходящая болезнь, как прорезывание зубов в детстве, она затянулась на лишних две тысячи триста лет благодаря нерадению философов, пренебрегавших исследованием ассоциации и притяжения. Я докажу, что общества, дикое, патриархальное, варварское, *цивилизованное*, лишь тернистые пути, ступени для достижения лучшего социального строя, строя прогрессивных серий, который и есть производственная судьба человека и вне которого никакими усилиями наилучших правителей не исцелить бедствий народных.

Итак, тщетно, философы, будете вы нагромождать библиотеки в поисках счастья, поскольку не искоренен самый корень всех социальных зол – разобщенность производства, этот антипод предначертаний Бога. Вы сетуете на природу, якобы отказывающую вам в познании ее законов; но поскольку до наших дней вы не сумели их раскрыть, к чему медлить с признанием ублюдочности ваших методов и с изысканием новых? Либо природа не хочет счастья людей, либо ваши методы осуждены природой, так как они не помогли вырвать у нее тайну, которой вы добиваетесь. Видели ли вы, чтобы она противодействовала усилиям физиков, как противодействует вашим усилиям? Нет, потому что физики изучают ее законы, вместо того

чтобы диктовать ей свои собственные; а вы изучаете лишь искусство глушить голос природы, глушить влечение, которое есть толкователь природы, так как в каком бы направлении оно ни действовало, оно способствует формированию прогрессивных серий. Какой контраст между вашими промахами и чудесами, которые вершат точные науки! Вы изо дня в день добавляете новые заблуждения к заблуждениям античного мира, а физические науки каждый день преуспевают на путях истины и бросают на современную эпоху лучезарный свет, по силе равный позору, неизгладимую печать которого ваши фантазмагии наложили на XVIII столетие.

Мы будем свидетелями зрелища, которое лишь однажды можно видеть на каждой планете; я имею в виду внезапный переход от дисгармонии к социальной комбинации. Это самый блестящий результат движения, которое может происходить в мире, чаяние этого результата должно вознаградить современное поколение за все его бедствия. В процессе этой метаморфозы каждый год будет значить больше, чем целые века существования, и будет изобиловать событиями столь изумительными, что без предварительной подготовки не подобает приоткрывать над ними завесу, это побуждает меня отнести к третьему трактату теорию комбинированного строя, или прогрессивных серий, а в данный момент возвестить лишь общие результаты. Эти результаты таковы:

внезапный переход дикарей к производству;

освобождение варварами женщин и рабов, чья свобода необходима для образования прогрессивных серий;

установление единства на земном шаре: единого языка, единых мер, единых типографских знаков и других способов общения.

Что касается отдельных особенностей *социетарного строя*, наслаждений, которые он нам принесет, то повторяю, придется умерить свой пыл, возвещая их людям *цивилизированным*. Опечаленные вечными бедствиями и философскими предрассудками, они вообразили, что сам Бог уготовил для них страданье или незавидное счастье им не освоиться сразу с идеей благосостояния, которое их ожидает, и ум их восстанет, если им без предосторожности нарисовать перспективу тех наслаждений, которые уже не за горами. Ведь для организации каждого *социетарного* кантона потребуется не больше двух лет, а для установления строя прогрессивных серий на всем земном шаре – не свыше шести лет, даже при максимальных сроках.

В комбинированном строе с самого начала будет тем больше великолепия, чем дольше его ждали. В век Солона Греция могла уже его установить: ее роскошь достигла уже ступени достаточной, чтобы приступить к такой организации. Но в наши дни роскошь и утонченность вдвое превысили достижения афинян (они не знали ни рессорных колясок, ни хлопчатобумажных и шелковых тканей; ни сахара, ни иных американских и восточных продуктов; ни компаса, ни очков, ни других научных изобретений современного человека; не преувеличивая, можно сказать, что наши средства наслаждения и роскоши по меньшей мере вдвое превысили их возможности). Тем великолепнее развернется у нас комбинированный строй; теперь мы пожнем плоды успехов XVIII века в области физических наук, успехов, ранее невозможных. В недрах *Цивилизации* чудеса науки скорее губительны, чем полезны для счастья, потому что умножая средства наслаждения, они тем самым отягчают нужду огромного большинства, лишенного самого необходимого; они прибавляют мало к утехам сильных мира, пресыщенных отсутствием разнообразия в развлечениях, и только усиливают коррупцию, увеличивая приманки для жадности.

До сей поры наука, совершенствуя роскошь, работала лишь на плута: ему в обществе варварском и *цивилизированном* достичь богатства легче, чем праведнику. Эта несурзаица заставляет заключить одно из двух: либо зловреден Бог, либо зловредна *Цивилизация*. Рассуждая разумно, приходится остановиться на втором умозаключении: нельзя допустить, чтобы Бог был злодеем, а он действительно был бы таков, если бы осудил нас на вечное прозябание в лоне губительной цивилизации.

Вместо того чтобы рассматривать проблему под этим углом зрения, философы старались уклониться от рассмотрения вопроса о человеческом коварстве, чтобы не взять под подозрение либо *Цивилизацию*, либо Бога. Они усвоили межеумочный взгляд, точку зрения атеизма: гипотеза безбожия избавляет ученых от исследования предначертаний Божьих и побуждает их выдавать собственные сумасбродные и сумбурные теории за правило добра и зла. Атеизм чрезвычайно удобен для политических и моральных невежд, и те, кто снискал славу сильных умов за свою исповедь атеизма, на самом деле проявили этим свою слабую изобретательность. Боясь потерпеть крушение при исследовании предначертаний Божьих относительно социального строя, они предпочли отрицать самое существование Бога и восхвалять как совершенство данный строй *Цивилизации*, который они втайне ненавидят и лицемерие которого сбивает их с толку до такой степени, что они начинают сомневаться в самом провидении.

Эту оплошность совершают не только философы: если нелепо не верить в Бога, то не менее нелепо верить в него наполовину, думать, что Его Промысел⁹ не всеобъемлющ, что он пренебрег заботой о наших самых неотложных потребностях, какова потребность в социальном строе, который обеспечил бы нам счастье. Глядя на чудеса нашей промышленности, огромные суда и иные чудеса, преждевременные для нас, принимая во внимание наше политическое младенчество, нельзя себе представить, чтобы Бог, расточавший нам столько божественных знаний, намерен был отказать нам в искусстве общественного строительства (*l'Art social*), без которого *все остальное – ничто*. Не заслуживала ли бы порицания непоследовательность Бога, если бы такое количество благородных наук, к которым он нас приобщил, способствовало лишь цели создания общества со столь отвратительными изъянами, как *Цивилизация*?

⁹ «Мысли Фурье о провиденциальном порядке и всемирной гармонии восходят, если не к „Государству Господню“, Св. Августина, то к идеям Сведенборга, Дюпон де Немюра, Бернарден де Сен-Пьера и других мистиков XVIII века. Его учение о всемирной аналогии напоминает высказывания тех же писателей, равно как и идеи Сен-Мартена... а отчасти и Шеллинга ставшего тогда известным во Франции. Космогоническая концепция Фурье вызывает в памяти некоторые черты космогонии тех же Сведенборга, Дюпона и Ретифа де ла Бретонна; идеи Сведенборга о небесных сообществах, образующих гармонические серии по степеням разумности и любви, о притяжении как движущих силах на небе и в аду, и о равновесии, основанном на сочетании противоположностей; мысли Дюпона о возможной одушевленности небесных тел; представления Ретифа де ла Бретонна о планетах, обладающих возможностью размножаться, подверженных заболеваниям, и кончающих смертью. Можно сказать о близости космогонических идей Фурье к идеям теософов. Однако нет достаточных оснований для положительных утверждений о тех или иных прямых заимствованиях Фурье из сочинений мистиков. Если нет убедительных доказательств прямого их влияния, то есть основания предполагать влияние косвенное. Ведь город Лион, где Фурье проживал в период становления своего мировоззрения, был в то время одним из основных центров мистицизма: здесь было множество франк-масонских лож, оккультных обществ, различных сект, здесь проходил в 1778 году большой масонский конвент, здесь увлекались месмеризмом, здесь действовали Мартинес, Сен-Мартен, Виллероз, и талантливый авантюрист Джузеппе Бальзамо, ставший знаменитым под именем графа Калиостро, здесь вышло несколько изданий о гипнотизме, магнетизме, катаlepsии и сомнабулизме. Всевозможные мистические идеи составляли предмет оживленных дискуссий в среде лионской интеллигенции тех лет, и Фурье, хоть и не читал произведений мистиков, и не был членом ни масонской ложи, ни какой – либо подобной организации, конечно знал из газет, журналов и из живого общения с людьми кое что о мистических концепциях... „Кто создал Фурье? Ни Ланж, ни Бабеф: Лион – вот единственный предшественник Фурье“. Эта фраза Мишле – лучший ответ на этот вопрос». (Зильберфарб И. Социальная философия Шарля Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой половины XIX века. М.: Наука, 1964. С. 28).

V

Общее предубеждение цивилизованных

Ознакомившись с моим изобретением, которому суждено освободить род человеческий от хаоса *Цивилизации*, варварства и дикости, обеспечить ему больше счастья, чем он осмеливается желать, и раскрыть перед ним тайны природы, к которым он и не надеялся когда бы то ни было приобщиться, толпа людей не преминет обвинить меня в шарлатанстве, а мудрецы сдержанно будут называть меня мечтателем¹⁰.

Не останавливаясь на мелких выпадах, к которым должен быть готов любой изобретатель, я постараюсь склонить читателя к беспристрастному суждению¹¹.

Почему самые знаменитые изобретатели, Галилей, Колумб и др., становились объектом преследований или в лучшем случае насмешек, прежде чем их выслушивали? Главных причин тому две: общее злополучие и гордость ученых.

1. *Общее злополучие*. Когда какое-либо изобретение сулит счастье, люди боятся надеяться на благо, которое представляется им сомнительным; они отвергают перспективу, способную разбудить едва приглушенные желания, обострить в них несбыточными чаяниями чувство неудовлетворенности. Так, бедняк, неожиданно выиграв состояние или получив наследство, на первых порах отказывается этому верить: он оттолкнет принесшего эту радостную весть и обвинит его в глумлении над его нищетой.

Таково первое препятствие, на которое я натолкнусь, возвещая роду человеческому предстоящий ему переход к огромному счастью, надежда на которое в нем угасла за пять тысячелетий социальных бедствий, якобы неизлечимых. Обещай я благосостояние средней руки, меня бы приняли лучше; это побуждает меня значительно умерить картину грядущего счастья. Узнав всю его безмерность, люди удивятся тому, что я медлил с опубликованием моего открытия, обнаружил столько сдержанности и усвоил столь ледяной тон, возвещая событие, которое должно пробудить столько энтузиазма.

2. *Гордость ученых* – второе препятствие, которое мне придется преодолевать. Любое блестящее изобретение возбуждает зависть в тех, кто мог бы его сделать; люди недолюбливают неизвестного, который единым махом поднимается на вершину славы; они не прощают современнику проникновение в тайны, куда каждый мог бы проникнуть до него; ему не прощают, что он затмил былые достижения науки и намного опередил самых знаменитых ученых. Такой успех воспринимается существующим поколением как оскорбление; оно забывает о благодеяниях, которые несет с собой открытие, и помышляет лишь о позоре, который ляжет на век,

¹⁰ «Пресса встретила „Теорию четырех движений“ (вышедшую анонимно в 1808 г. в Лионе, причем место издания было написано как Лейпциг, а автор был обозначен как Шарль) полным молчанием, в одной только „Gazette de France“ появилась о ней маленькая заметка. Распространения книга не получила, и почти весь ее тираж остался на складе у книготорговца». (Зильберфарб И. Социальная философия Шарля Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой половины XIX века. М.: Наука, 1964. С. 28).

¹¹ «Классические утопии о лучшей и безопасной жизни являют себя – как замечает Фурье – как „греза о благе – без средств к осуществлению одного, без метода“. Несмотря на несоответствие с критикой своего времени, они пока еще не сообщаются с историей. Положение меняется, лишь когда руссоист Мерсье своим романом о будущем, романом о Париже в 2440 году, проецирует эти острова блаженства из пространственно отдаленных областей в отдаленное будущее – и тем самым воспроизводит эсхатологические чаяния восстановлениярая будущего на внутримировой оси исторического прогресса. Однако же, поскольку утопия и история соприкасаются таким образом, меняется классическое обличье утопии, а роман о государстве начинает отрицать собственные романские черты. Кто восприимчивее других к утопическим энергиям духа времени, тот отныне будет наиболее энергично стремиться к слиянию утопического мышления с историческим. Роберт Оуэн и Сен-Симон, Фурье и Прудон резко отвергают утопизм; но Маркс и Энгельс опять-таки критикуют их как „утопических социалистов“. Только Эрнст Блох и Карл Мангейм в нашем столетии очистили термин „утопия“ от оттенка утопизма и реабилитировали его как надежное средство для поиска альтернативных жизненных возможностей, которые следует применять в самом историческом процессе. Утопическая перспектива вписывается в само политически действенное историческое сознание». (Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005. С. 89).

прозевавший это открытие; и каждый, прежде чем рассуждать, мстит за свое оскорбленное самолюбие. Вот почему автора блестящего изобретения преследуют раньше, чем изобретение исследуют и составят себе о нем суждение.

Никто не станет завидовать Ньютону; его исчисления столь малодоступны, что рядовой ученый на них не претендует. Но любого Христофора Колумба делают мишенью нападков, его готовы разорвать в клочья, потому что его идея отправиться на поиски нового материка столь проста, что она каждому могла бы прийти в голову. И люди молчаливо договариваются перечить изобретателю, мешать осуществлению его идей.

Я взял этот пример, чтобы ярче выявить всеобщее коварство людей *цивилизованных* в отношении изобретателей.

Невежественный Папа метал в Колумба громы и молнии церковного осуждения; между тем, разве он не больше других был заинтересован в успехе плана Колумба? Несомненно так. Ведь едва была открыта Америка, как его преосвященство стал раздавать приходы в новом мире, считая для себя удобным использовать открытие, самая мысль о котором раньше возбуждала в нем гнев. Эта непоследовательность главы церкви типична для людей вообще: его предрассудки и его самолюбие мешали ему видеть свои собственные интересы. Рассуждая, он понял бы, что Святой престол, имея в ту пору возможность устанавливать временный суверенитет над вновь открытыми землями и подчинять их своей религиозной власти, был всецело заинтересован в поощрении мероприятий, направленных к открытию нового материка. Но Папа и папский совет, в силу болезненного самолюбия, не рассуждали вовсе. Это убожество свойственно всем векам и всем людям. Такие помехи стоят на пути всякого изобретателя, он должен быть готов к преследованиям в меру величия своего открытия, особенно если это человек никому неизвестный и если никакие предварительные изыскания не протянули нити к тем открытиям, ключ от которых случайно оказался у него.

Если бы я имел дело с веком справедливым, который искренно старается проникнуть в тайны природы, было бы приятно ему доказать, что последователи Ньютона лишь на половину истолковали закономерность того движения, которое они исследовали, – движения небесных тел.

Действительно, они ничего не могут вам сказать относительно системы распределения небесных светил. Самый ученый их последователь – Лаплас, не сумеет пролить хотя бы каплю света на разрешение следующих проблем:

Каковы правила размещения небесных светил, ранг и место, предназначенное звездам? Почему Меркурий является первым?

Почему Уран¹² так удален от солнца, почему он меньше Сатурна?

А Юпитер, разве он не должен был бы находиться ближе к очагу света?

Какова причина большей или меньшей эксцентricности орбит?

Каковы принципы сочетания или соединения?

Почему некоторые небесные тела носят характер лун и прикованы к одному стержневому, как спутники Юпитера, Сатурна и Урана?

Почему другие, например, Венера, Марс и пр., движутся по свободной орбите?

Почему Уран, будучи в шестнадцать раз меньше Юпитера, имеет восемь лун, а Юпитер только четыре? Разве не подобает колоссальному Юпитеру иметь большее количество лун? Ведь он в силу своих размеров мог бы управлять количеством лун в шестнадцать раз большим, чем Уран! Это распределение странным образом противоречит теореме, согласно которой сила притяжения прямо пропорциональна массе.

Почему на основании той же теоремы огромный Юпитер не притягивает к себе и не вовлекает в свою орбиту четыре маленьких небесных тела – Юнону, Цереру, Палладу и Весту,

¹² Фурье называет Уран Гершелем, по имени астронома, открывшего его в 1871 г. – *Примеч. ред.*

расположенных столь близко к нему? Но и вовлеки их в свою орбиту, он, все же имел бы лишь восемь лун, подобно Урану, в шестнадцать раз меньшему, чем он; этот груз был бы для него все-таки минимальным.

Почему у Сатурна есть светозарные кольца, а у Юпитера их нет, несмотря на то, что Сатурн получает от своих семи лун больше света, чем Юпитер от своих четырех?

Почему у Земли есть Луна, а у Венеры ее нет?

Почему наша Луна, Феб, в отличие от Венеры и от Земли, не имеет атмосферы?

Каково различие функций между светилами сопряженными, или спутниками, подобно Фебу, планетами, имеющими Луны, как Земля, Юпитер, и одинокими, как Венера, Марс, Меркурий, Веста?

Какие изменения претерпела и будет претерпевать система распределения планет?

Каковы планеты, нам неизвестные? Где они расположены? Где их искать? Каковы их размеры, их функции?

Таковыми вопросами можно заполнить двадцать страниц, и наши ученые не сумеют на них ответить; значит, у них нет представления о системе распределения, им неизвестны в большей части законы движения небесных светил, и они ошибаются, воображая, что уяснили себе это движение.

А я с момента моих открытий в 1814 году даю надлежащие ответы на все эти вопросы. Спрашивается, не я ли решил задачу, которую последователи Ньютона только поставили, но не разрешили?

Однако полное познание закономерности движения небесных тел охватит лишь одну отрасль мирового движения; остается уяснить себе и другие отрасли, в том числе движение страстей или движение социальное; от уяснения себе этого зависит единая организация рода человеческого, осуществление социальных судеб. Открыть же это можно лишь на основе изучения всех совокупных законов движения, а последователи Ньютона уловили лишь обрывок, не дающий ключа к счастью.

Выдвигая общую теорию движения, следовало бы возглавить ее чьим-либо крупным именем, чтобы обеспечить ее рассмотрение и проверку. Если бы Ньютон или кто-либо из его соперников или последователей, каковы Лейбниц, Лаплас, провозгласили теорию притяжения страстей, счастье бы им улыбнулось; благодаря такой вывеске люди сочли бы вполне естественным распространение на эту область уже открытых законов тяготения материи и усмотрели бы прямое следствие мирового единства в том, что принцип материальной гармонии оказывается применимым к теории страстей или к социальной теории; благодаря престижу, которым пользуется Ньютон или другая знаменитость, вся свора критиков заранее рукоплескала бы изобретателю; ему воспевали бы хвалу научного парии, одного из тех парвеню, которые не являются уделом человека неизвестного, какого-либо провинциала или даже академиками, вся эта шайка предаст несчастного анафеме. Пример тому – Христофор Колумб. За высказанную им мысль о существовании нового материка его целых семь лет высмеивали, травили, отлучали: не навстречу ли подобной невзгоде иду и я, возвещая новый социальный мир?

Идти вразрез с общепринятыми мнениями нельзя безнаказанно; и философия, царящая в XIX веке, поднимет на борьбу со мной больше предрассудков, чем подняло суеверие в борьбе с Колумбом в его время. Однако нашел же он в лице Фердинанда и Изабеллы менее предвзятых и более справедливых монархов, чем лучшие умы того века. Почему бы и мне, подобно Колумбу, не надеяться на поддержку какого-либо монарха, более ясновидящего, чем современники? Я знаю, софисты XIX века, подобно софистам XV века, будут твердить, что никакие новые открытия невозможны; но разве не найдется самодержца, который пошел бы на эксперимент, как пошли кастильские монархи? Они рисковали немногим, снаряжая наудачу корабль для открытия нового мира и грядущего завладения им; точно так же и монарх XIX века может себе сказать: «Рискнем на площади в одну квадратную милю произвести опыт с земледель-

ческой ассоциацией! Риск невелик, между тем как есть шансы извлечь род человеческий из общественного хаоса, взойти на престол мирового единства и передать нашему потомству на веки *вечный мировой скипетр*».

Я указал на предрассудки, которыми будут орудовать против меня людское злосчастье и гордость ученых. Я хотел подготовить читателя к сарказмам толпы, которая всегда рубит с плеча там, где она ничего не знает, и противопоставляет разумным рассуждениям игру слов; этой манией заражен даже мелкий люд: всюду укоренилось зубоскальство. Когда же правильность моего открытия будет доказана и приблизится момент пожать его плоды, когда универсальное единство готово будет водвориться на развалинах варварства и *цивилизации*, тогда критики столь же внезапно перейдут от презрения к упоению; они возведут изобретателя в сан полубога и вновь унизятся до заискивания, предварительно унизившись до опрометчивого глумления.

Что касается людей беспристрастных, которых на свете очень мало, то мне нравится их недоверчивость, и я предлагаю им отложить свое суждение до того, как я их ознакомлю с механизмом прогрессивных серий. Два первых мемуара не затронут еще этого вопроса; их целью будет расчистить пути и освоить человеческий разум с избытком счастья, которое людям уготовано.

VI План

В этих двух мемуарах я буду освещать следующие вопросы:

Что такое судьбы?

Из каких отраслей складывается их общая система?

Какими приметами и средствами располагал человеческий разум для изобретения общей системы судеб?

Эти вопросы я не буду разобцать: мне было бы трудно освещать их раздельно. В этом труде будет много повторений, быть может, требуется еще больше, чтобы приковать внимание читателя к предмету столь новому и столь противоположному философским предрассудкам, которыми все заражены.

Этот проспект я подразделю на три части: *экспозицию, описание и конфирмацию*.

1. В *экспозиции* будут трактоваться некоторые категории общих судеб; тема столь возвышенная и обширная заинтересует немногих читателей, но здесь будет разбросано много довольно занимательных подробностей, которые вознаградят читателя за некоторую сухость. Итак, первая часть предназначается для любознательных, для людей усидчивых, которые не останутся перед преодолением трудностей ради проникновения в глубокие тайны; они будут приятно удивлены, ознакомившись в этой первой части с целым рядом положений относительно происхождения обществ, их последующего чередования и материальных и социальных революций, предстоящих нашей Земле и другим мирам.

2. *Описания* ознакомят читателя с некоторыми особенностями частных или домашних судеб при комбинированном строе; они дадут некоторое понятие о сулимых им наслаждениях и в этой плоскости предназначаются специально для сибаритов, или любителей наслаждений. Предвкушение прелестей комбинированного строя поможет им понять, до какой степени род человеческий находится в плену у обманывающих его философов; они долго таили от нас пути к счастью, упорно критикуя тяготение страстей, старались эти страсти подавлять, глушить, вместо надлежащего их изучения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.